

ВНУКИ ОЗОРНИКА

Перевод А. Атикузиева

Часов в одиннадцать утра Анвар с Фуркатом сели в автобус Ташкент — Назарбек. Как только автобус тронулся с места, Анвар, глядя в окно, стал вспоминать одно за другим события вчерашнего дня...

I

Только бы не отступить от своего дела. Отступишься, и люди станут считать тебя плохим. А все неприятности начались с физического кабинета. И Анвар, и Фуркат являются членами двух школьных кружков: первый — кружка по физике, второй — кружка «красных следопытов». Будучи членом кружка, Анвар постоянно копался во всем, что попадало под руку: будь то радиоприемник или телевизор, звонок или утюг. А когда он занят своим любимым делом, тут уж не до уроков, не до еды. Должно быть, поэтому первое полугодие Анвар закончил неважно: в таблице у него красовались три двойки.

И вот сегодня Анвар возвращается домой довольный. В руке у него выгоревший на солнце черный портфель, сморщенный, словно старые ичиги, в котором, видимо, лежит что-то тяжелое и при каждом движении кажется, что он вот-вот порвется. Настроение у него отличное: третью четверть окончил он без двоек, с одними тройками. Вот бы повстречался ему сейчас какой-нибудь дружок, показал бы ему дневник, похвастался бы! Пусть бы даже из младшего клас-

са. Но, как назло, никто ему не встретился. Несколько пацанят, едва завидев его, припустились бежать. Спросите, почему? Да потому, что побаиваются его. Он такой...

Когда он уже подходил к дому, то повстречался лицом к лицу с тощим стариком-татариним, разносившим почту в их махалле; на нем была старая кепка и светло-серый плащ на подкладке. Он семенил стариковской походкой, склонившись набок под тяжестью сумки, из которой торчали газеты, журналы, бандероли. Жители махалли из уважения называли его «Атий».

— Здравствуйте, Атий, — почтительно поприветствовал его Анвар.

— Ие, это ты, Анвар. Здравствуй, здравствуй, — сказал Атий, тоже останавливаясь. — Как учеба, малай?

— В порядке, — ответил Анвар, обрадовавшись, что Атий остановился и спросил о делах. Он быстро вытащил дневник из портфеля и показал его Атию. — Вот, смотрите, Атий, ни одной двоечки...

Поправив тяжелую сумку на плече, Атий стал просматривать дневник. А там были сплошные тройки. Пораженный Атий спросил:

— Эй, а где же четверки-пятерки?

— А учителя наши считают, что тройки лучше всяких там четверок-пятерок, — соврал Анвар.

Атий смотрел на него с изумлением.

— Вот оно что...

Сказав это, он снова поправил сумку, странно как-то улыбнулся и, покачав головой, пошел своей дорогой. Анвар поспешно крикнул ему вдогонку:

— Атий, а мне писем нет?

— Пиши, и тебе напишут... — сказал Атий, не оборачиваясь. — Ежели ты не пишешь, то кто же будет писать тебе?..

Он подошел к синим воротам Фурката и опустил письмо в почтовый ящик. Анвар заметил, что конверт был какой-то необычный. Анвар буквально сгорал от любопытства. Что же это за письмо? Не Фуркату ли? Откуда оно?

Как только Атий завернул за угол, Анвар подбежал к воротам и, с трудом просунув мизинец в щель почтового ящика, вынул письмо. Оно оказалось из журнала «Гулхан» и было адресовано... Фуркату.

Анвар отошел в сторонку и перед тем, как внима-

тельно разглядеть конверт, воровато оглянулся по сторонам и вдруг увидел вдалеке Фурката. Он на минутку растерялся, не зная, что делать. Ежели снова бросит письмо в ящик, то не узнает, что в нем. А вскрыет, станет читать, может не успеть. Короче, он решил положить письмо на место и уже сделал было шаг, но увидел, что Фуркат подошел уже совсем близко. Кроме того, он что-то кричал ему, но Анвар не смог разобрать. И он поспешно сунул конверт в карман куртки.

— Ты чего здесь стоишь? — спросил Фуркат, подходя к нему.

Подумав, что Фуркат заметил письмо, Анвар поначалу растерялся, но затем немного успокоился и спросил:

— Да так. А ты чего так задержался?

— Представляешь, Гайрат получил письмо из «Гулхана». Мы его читали.

От этих слов у Анвара будто что-то оборвалось внутри. Он невольно сунул руку в карман, где лежало письмо, но тут же вытащил ее.

— Представляешь, — продолжал Фуркат, — в нем говорилось: «Сообщаем Вам, что Вы приняты в члены клуба «Красные следопыты», созданного при журнале «Гулхан». Пишите нам о ветеранах Революции, героях гражданской войны, проживающих по месту Вашего жительства, об их бессмертных делах, об их беспримерных подвигах...». Может, помнишь, как в тот день наша вожатая составляла списки «красных следопытов»? Этот список, оказывается, послали в «Гулхан». Видимо, всем ребятам по этому списку послали письма. Другие тоже уже получили. И мне должно прийти.

Анвар стоял молча, будто не слышал его слов.

— Вот если бы мы раньше всех разыскали таких героев, — возбужденно проговорил Фуркат. Потом взгляд его упал на портфель Анвара. — Чего это там у тебя? Утюг, что ли?

Анвар кивнул головой.

— Что же ты матери скажешь?

— Э, чего она скажет, — пришел немного в себя Анвар. — Неужели за него лупить станет?

Если бы Фуркат не знал его мать. Он странно как-то посмотрел на друга и загадочно улыбнулся. Затем повернулся к дому.

— Если все будет тихо, заходи попозже, — сказал он. — Потолкуем.

— О чем?

— Как о чем? О том, как найти героев гражданской войны.

Не ответив ему, Анвар тоже повернулся и пошел к своим воротам. Постучав, он долго ждал. Не дождавшись, он тихонько просунул руку в щель между створками и, изловчившись, снял дверную цепочку. Дверь отворилась со знакомым скрипом. Он тихонько вошел внутрь и пошел через двор к дому, как навстречу ему выбежала младшая сестра Махфуза.

— Ох и попадет тебе!

— Это почему же?! — опешил Анвар.

— А кто приемник слсмал, а?..

— Да не ломал я его. Просто снял проигрыватель и поставил на школьную радиолу. У нас в музыкальном кружке проигрыватель испортился... Члены кружка танцевать не могли... Вот я и отнес его туда, не веришь, пойдй завтра и погляди сама..

Махфуза скривила губки и зашла в дом. Когда Анвар собирался уже переступить порог, из дома вышла мама. Вид у нее был серьезный. Анвар невольно отпрянул назад и вежливо пробормотал:

— Здравствуйте, мамочка.

— Гляди какой ты вежливый стал! — сказала мама, стоя на пороге.

— А то как же, — сказал Анвар обеспокоенно. — В этой четверти ни одной двойки... Вот смотрите...

С этими словами он положил портфель на землю, отчего раздался какой-то глухой стук.

— Говоришь, двоек нет...

— Так точно, мамочка... Вот посмотрите дневник.

— А что у тебя в портфеле?

— Тетради, книги...

— Это они так стучат? Ну-ка, дай его сюда.

— Ах, это? Совсем забыл, это утюг, мамочка, утюг.

— Утюг?! Чей утюг?

— Наш...

— А зачем ты его таскаешь в портфеле?

— Это... в нашем школьном швейном кружке утюг перегорел. Поэтому...

В спешке он не смог открыть дверную цепочку. Чувствуя на себе дыхание преследовавшей его мате-

ри, он принялся бегать вокруг двора. А Махфуза, ябеда эта, стояла у двери, ухмыляясь, словно говорила: «Так тебе и надо!» А мама гонялась за ним, ругая его на чем свет стоит:

— Из-за тебя, негодника, ни радио, ни телевизор не работают. Теперь ты и до утюга добрался, окантный...

— Мамочка, утюг-то ведь целый! Не верите, проверьте...

Ничего не помогло. Видя, что дела плохи, он кинулся к забору и перемахнул через него. А со двора все доносилась мамина брань.

Спрыгнув на улицу, он остановился. Не знал, что делать, куда податься. Было очень холодно. Мороз пробирал до костей. Он попробовал попрыгать, чтобы согреться. Не помогло. Ему стало очень досадно. Во всем виновата эта ябеда Махфуза. Если бы она не наядбедничала бы маме, все было бы в порядке: он бы тихонечко поставил утюг на место, разделся бы и сейчас попивал бы горячий чаек. «Ну, ябеда, ты у меня еще получишь! — злился он в душе, — проучу я тебя, как следует...»

Но как бы ее проучить? Может, стащить у нее из портфеля дневник и разорвать его в клочья? Нет, не выйдет. Чего-чего, а дневников сейчас полно в магазинах. Купит новый. Или косы ей отрезать, когда она спит? Нет-нет, и это не пройдет. Тогда и отец задаст взбучку, не говоря уже о маме. Что же придумать? Как отомстить ей? Чего он только не придумывал. Но ничего не подходило. Вдруг мимо него прошла какая-то женщина. Должно быть, она шла с базара: в одной руке она несла веник, а в другой — сетку, в которой лежало несколько чашек. При виде чашек, в голове у него возникла одна мысль. «Ур-ра, нашел, — обрадовался он. — Чего больше всего не любит Махфуза? Мыть посуду. Конечно, если посуды будет мало, ну, там, несколько тарелок, чашек, то она их быстро вымоет. Это даже я смогу. Надо, чтобы грязной посуды было очень много. Вот тогда она здорово намучается. А когда бывает много грязной посуды? Когда приходят гости! Сейчас пройду по домам и приглашу гостей. Спросят, по какому поводу, скажу, мол, у мамы день рождения. Именно так я и сделаю...»

Придя к такому решению, он начал с Расулмата-

ака, приветливого человека, который жил через три дома от них. Есть у него дочка, красивая, как кукла. Учится в младшем классе. Позавчера, когда они гоняли в футбол на улице, мяч неожиданно упал в их двор! Анвар нажал кнопку звонка, дверь вскоре открылась, и он увидел ту самую девочку. В руке у нее был мяч. Он быстро взял мяч, сказал: «Спасибо».

Как же ее зовут? Ах да, Зухра! Так Зухра вместо «пожалуйста» показала ему язык и с треском захлопнула дверь.

Вспоминая об этом, Анвар снова нажал черную кнопку звонка. Из глубины двора донесся глухой звонок «пинг-пинг», а вслед за ним женский голос крикнул: «Сейчас». Через минуту дверь открыла жена Расулмата-ака.

— Проходи, милый.

— Ассалом алейкум. А Расулмат-ака дома?

— С работы еще не вернулся, а что? — с интересом спросила женщина.

— Это... приходите вечером к нам.

— Зачем?

— У мамы, это, день рождения...

— Ой, вон оно что? Тогда обязательно придем, милый.

— И Зухру с собой берите. С Махфузой нашей поиграет.

— Хорошо, хорошо, милый.

Таким образом он обошел еще дома и пригласил людей на «мамин день рождения». «Приходите папами, мама очень просила. Не придете, обидится. И детей приводите, двор у нас большой, пусть поиграют, наказывала мама», — говорил он им.

Когда Анвар оповестил десятое по счету семейство и направлялся к очередному дому, навстречу ему снова попался Атий. Он возвращался уже с пустой сумкой и идти ему было гораздо легче.

— Как хорошо, что я вас встретил, Атий, — не моргнув глазом, соврал Анвар. — А то я как раз собирался идти к вам домой.

— Это почему?! — удивился Атий.

— Вы, оказывается, сегодня вечером будете у нас, — сказал Анвар, пытаясь уверить его. — У мамы день рождения. Поэтому мама с папой послали меня сообщить об этом. Сказали, чтоб вы пришли с женой. Не придете, обидятся.

— Вот как?— проговорил Атий, пытаясь найти на его лице признаки притворства. Но Анвар был так серьезен, что ему просто нельзя было не поверить. — Придем, придем. С женой. Спасибо, что позвал!

И Атий пошел своей дорогой. А Анвар, позволив еще в две-три двери и пригласив на «день рождения», зашел к Фуркату. Фуркат был дома. Но ни Фуркату, ни его родителям он даже не заикнулся о «дне рождения». А все оттого, что они — близкие соседи, кроме того их отцы — родственники. Так что, они все равно бы не поверили. Во-первых, к Анвару они особого доверия уже давно не питали. А во-вторых, они то отлично знали, когда у кого день рождения, у них даже тетрадка была, где все это было записано. Поэтому здесь лучше было держать язык за зубами.

Анвар с Фуркатом поговорили о школе и разговор снова вернулся к письму из «Гулхана». За разговором Анвар хотел было вынуть письмо из кармана, отдать его хозяину и извиниться, но не осмелился. Спросите, почему? Да потому, что его могли бы прозвать воришкой, как уже звали вралем. Быть может, сказано это слишком уж сильно, но, согласитесь, стащить чужое письмо это не шутка! Нет, он должен помалкивать. Надо отыскать какой-нибудь другой способ вернуть письмо.

Сидели они долго. Так и не могли придумать, как и где разыскать им героев гражданской войны. Когда стемнело и мама Фурката зажгла свет в доме, Анвар поднялся уходить.

— Куда же ты, сейчас ужин будет готов,— сказала мама Фурката.

— Спасибо, пойду домой,— вежливо ответил Анвар.

— Ну, ладно, завтра поговорим. Завтра суббота, да? — Фуркат взглянул на большой календарь, висевший на стене. — Ага, точно. Тогда давай-ка попробуем после уроков расспросить махаллинских стариков? Они-то знают.

— Согласен...

Ответ Анвара прозвучал без всякого энтузиазма. Не то, чтобы ему не понравилось предложение товарища, просто ему было сейчас совсем не до этого. Он думал сейчас о том, пришли ли гости и что ждет

его дома. На душе у него было тревожно, ноги не слушались.

Но как только он вошел в свой двор, взору его открылась удивительная картина: двор был занят ярким светом двухсотсвечевой лампочки, установленной прошлой осенью специально по случаю тоя и с тех пор ни разу не зажигававшейся. Во дворе с веселыми криками играли в мяч детишки. Он осторожно заглянул в окно комнаты и увидел, что она полным-полна гостей. Они чему-то весело смеялись. Анвар тихонько подкрался к кухонному столу: две девочки мыют посуду. Одна, безусловно, Махфуза. А кто же вторая? Он не смог разглядеть ее, так как она стояла спиной к нему. Но вот она повернула лицо к Махфузе и он узнал ее — Зухра. Он очень обрадовался и уже без всякого страха вошел.

— Привет! — сказал он, словно взрослый.

Обе девочки разом обернулись.

— А, это ты, ну, погоди еще,— проговорила Махфуза, глядя на брата так, будто хотела проглотить его.— Теперь ты пропал!

«Ишь ты, пугает. Постеснялась бы при посторонней девочке!»

— Поделом тебе, трудись. Тебе еще долго мыть придется,— не остался в долгу Анвар.— Не будешь ябедничать...

— Мама тебя накажет.

Зухра, слушая перепалку брата с сестрой, стояла молча и улыбалась. Стыд-то какой, перед чужой девочкой. И чтобы положить этому конец, Анвар повернулся и пошел в дом.

— Ассалом алейку-ум... — он с опаской посмотрел сначала на маму, а потом на папу. Оба они улыбались. Это придало ему смелости. И он взглянул на гостей. Настроение у всех было чудесное. На почетном месте за столом сидели и Атий с женой, такие нарядные. Рядом с ними Расулмат-ака с супругой, словом, все, кого он приглашал. На груди Атия красовалось несколько рядов разноцветных орденских планок. Ах, Атий, ну и тихоня! Где он столько орденов получил? Вот, стало быть, за что его так уважают в махалле!

Подумав, что гости не услышали его приветствия, он сказал на этот раз погромче:

— Ну как, хорошо ли сидите?

Отчего-то в ответ раздался дружный смех.

— Ну, Анвар, и проказник же ты! — сказал Расулмат-ака, вытирая полотенцем жирные от плова пальцы. — И дед его покойный озорником был. Да, настоящий внук своего деда... ха-ха-ха...

Анвар посмотрел сперва на папу, потом на маму, не зная, то ли сесть за стол, то ли нет. Кто-то из гостей сказал:

— Расулмат-ака, расскажите-ка Анвару о том происшествии, случившемся в Назарбеке. Раз он внук своего деда, то пусть знает.

— О каком? О том, как он поступил с Толанходжой баем? Ха-ха...

— Вот смеху-то было... ха-ха-ха. — У Атия на глазах выступили слезы. — Помру, ей-богу, помру...

— Да, кстати, Атий, вы же тоже тогда были, а?

— Как же не был-то? Я ведь тогда толмачом был. Как же не был? — проговорил Атий, насилу сдерживая смех. — Он тогда русского не знал. Был я возле него сколо года, слова русского командира переводил.

— А разве вы не были в то время мастеровым в депо?

— Нет, не мастерсвым, я ведь тогда совсем зеленым был. Четырнадцать годков было мне всего, — сказал Атий, став серьезным. — Был я тогда помощником у одного мастерового, Иваном Николаевичем его величали. Кроме железного лома носил и листовки. Связным был. А потом меня направили к Заману толмачом. Мы были вместе с дедом Фурката — Кадыром. Он был ровесник мне. Вот он много знает.

— Вот оно как? — сказал Расулмат-ака. — Но и вы, хоть и были в ту пору молоденьким, многое ведь испытали, а?

— Как же, как же... — сказал Атий, приосаниваясь, мол, гляди, старуха. — Ах, те времена...

— Итак, ха-ха-ха... Атий, конечно, знает об этом, однажды... было это то ли в двадцатом, то ли в двадцать втором году... особый отряд Замана отправился в Назарбек...

— Анвар!!!

Весь обратившийся в слух, застывший посреди комнаты Анвар быстро оглянулся. В дверях стояла Махфуза.

— Да погоди ты... — шепотом сказал он.

— Иди сюда!..

Похоже, у нее какой-то секрет. Анвар заколебался: пойдет он сейчас к Махфузе, и не услышит интересного рассказа про деда, а не пойдет... Вон Махфуза как-то уж очень странно улыбается, что-то здесь не так. «Что за бумага у нее в руке? Видать, что-то срочное». И он вышел за дверь.

— Ну, чего тебе?— спросил он нетерпеливо.

А Махфуза, наоборот, не спеша, вытерла руки о фартук и показала ту бумагу:

— Что это?

Анвар побледнел. У Махтузы было письмо, которое пришло Фуркату из «Гулхана».

— Что это, я тебя спрашиваю?— серьезно спросила Махфуза.

Совсем растерявшись, Анвар сказал, запинаясь:

— От-ткуда оно у тебя?

— Проводила я только что Зухру домой, возвратилась, гляжу, куртка твоя висит в коридоре, а из кармана половинка письма выглядывает. Ну я и взяла поглядеть, что это за письмо... Итак, откуда ты его взял?

— Зухра, значит, ушла?— спросил Анвар, желая сменить тему.

— Ты не крути. Говори, откуда взял?

— Твое-то какое дело? А ну, дай сюда!— прошипел Анвар. По всему было заметно, что с него сошла привычная спесь. Хорошо еще, что Зухра ушла, ей вовсе не обязательно присутствовать при этом.

По его виду Махфуза поняла, что письмо он просто-напросто украл. Наконец-то она одержала над ним верх!

— А если я сейчас отнесу его Фуркату, не стыдно будет, а?

Анвар не на шутку перепугался. Он хотел было отнять письмо у сестренки, но вовремя вспомнил, что в доме гости и принялся умолять ее:

— Махфузочка, милая, ты ведь у меня умница, дай-ка его сюда...

— Так я и отдала! Ты еще получишь за сегодняшнее!

— Махфузочка, родненькая... Клянусь, больше этого никогда не будет. Умереть мне на этом месте, даю честное слово...

— Какой толк от твоего честного слова?— Чем больше терялся Анвар, тем больше торжествовала Махфуза. — Сейчас отнесу письмо Фуркату... Пускай все ребята узнают про твои проделки.

— Махфузочка, миленькая, только не это! Отдай мне письмо. Сделаю все, что пожелаешь...

— Правда?

— Правда!

— Тогда...— Махфуза начала развязывать фартук. Ничего не понимая, Анвар стоял, вытаращив на нее глаза. — Возьми фартук и марш мыть посуду!

— А потом отдашь письмо?

— Пусть пока полежит у меня.

— Фуркату не скажешь?

— Не скажу. Если сделаешь то, что сказано...

Иначе...

— Ладно, вымою уж.

Повязав фартук, Анвар стал с шумом мыть посуду, злясь в душе оттого, что так нелепо попался и, кроме того, не услышал такого интересного рассказа про деда. А Махфуза стояла рядом, командовала, мол, мой так, вытирай эдак. Короче говоря, Анвар так намучился с мытьем посуды, что насилу доплелся до кровати и тут же уснул.

На следующее утро, как только он проснулся, то сразу увидел, что настроение мамы можно было сравнить с грозовой тучей. «Да, пока гроза не грянет, туча не успокоится»,— подумал он про себя, умываясь. На всякий пожарный случай, чтобы не попасть впросак, как вчера, если разразится «гроза», он надел кирзовые сапоги, теплую куртку и даже положил портфель возле входной двери и только тогда сел к столу завтракать. Папа уже давно ушел на работу. За столом сидели только мама, Махфуза и он. Чай пили молча. Анвар украдкой наблюдал за мамой: лицо у нее было какое-то усталое, бледное, губы вздрагивали, нервничала, должно быть. Анвар испугался. Он чувствовал, что больше нельзя сидеть молча, нужно что-то сказать.

— Мама,— как можно ласковее произнес Анвар,— а что сделал дедушка в Назарбеке?

Мехри-хола, сын которой своей вчерашней выходкой доставил столько хлопот, ожидавшая, что он хотя бы повинится, взорвалась:

— Вот что сделал твой дедушка!— С этими словами она слегка ударила его рукой.

От неожиданности и боли Анвар на секунду опешил, но увидев, что мама снова занесла руку для удара, вскочил и пулей бросился на улицу, схватив на бегу портфель. «Гроза разразилась!»

— Ах ты негодник, ты у меня еще попляшешь!— кричала вдогонку ему мама.

Хорошо еще, что дверь была открыта, не то бы опять пришлось ему лезть через забор! Сломая голову, он бросился к дому Фурката. Только перед его дверью он перевел дыхание. Нахлобучив на голову ушанку, он нажал кнопку звонка.

— А, это ты? Чего так рано?— спросил Фуркат, отворив дверь. Похоже было, что он еще не завтракал.— Ну?

— Поехали в Назарбек. Знаешь, я вчера слышал от Расулмата-ака, что твой дед воевал в гражданскую в Назарбеке. И Атий вместе с ним, оказывается, воевал.

— Да ну?— сразу оживился Фуркат.— Какой Атий, это почтальон наш, что ли?

— Он самый!

— Вот это да! Ладно, я мигом, только оденусь...— Фуркат повернулся, сделал шаг, но тут же остановился, словно вспомнив о чем-то, и обернулся.— Ой, а как же школа?

— Э, подумаешь, пропустим один день. Возьми, положи мой портфель у себя.

— А как быть с родичами?

— Ну, записку напишем, так мол и так...

— И все же...

— Да послушай ты, если мы найдем героев, никто нам и слова не скажет,— с уверенностью в голосе проговорил Анвар.— К тому же деда твоего навестим.

Услышав о деде, Фуркат молча вошел в дом. В самом-то деле, ведь сегодня суббота. Съездим, переночуем одну ночь, а завтра все узнаем и вернемся.

II

Вот о чем вспоминал Анвар, задумчиво глядя в окно, когда Фуркат дернул его за рукав. Анвар точ-

но очнулся ото сна, огляделся и понял, что едет в автобусе. Ему показалось, что Фуркат хотел дать ему понять, чтобы он уступил место усатому дядьке и он поспешно встал с места.

— Амаки, садитесь, пожалуйста.

— Спасибо, сынок, только где ты раньше-то был? — с укором проговорил тот.

Анвар покраснел как рак, ибо автобус и впрямь уже подъезжал к остановке. Скрипнув тормозами, он остановился перед каким-то большим зданием. Сходя с автобуса, Фуркат вдруг вскрикнул:

— Гляди, вон дедушка!

— Э, тебе в любом старике дед твой мерещится, — буркнул Анвар.

— Да умереть мне на этом месте! Вон, в магазин зашел, — пытался уверить его Фуркат.

— Ладно, пойдем посмотрим...

Один за другим, перебравшись через островки грязного снега, сваленного на обочине, они перешли улицу и вошли в магазин.

— Э, голубчики. Милости просим, милости просим, — встретил их стоявший за прилавком продавец, толстый мужчина лет шестидесяти, с приторной миной на лице, с тоненькими, словно ниточки, усиками, скаля золотые зубы. — С вас суюнчи, Кадыр-ата, мулла Фуркат пожаловали. Внучек ваш.

В этот момент Кадыр-ата завязывал в узелок покупки: несколько пачек чая, два куска хозяйственного мыла и коробок двадцать спичек.

— Ассалом-алейкум, бобо, — поздоровался с дедом Фуркат. Анвар тоже поздоровался. Кадыр-ата погеловал внука в лоб, обрадовался. Потом ответил на приветствие Анвара. Расспросил внука о домашних. Затем, сделав над глазами козырек ладонью, пристально поглядел на Анвара. Видимо, не узнал его.

— Чей ты будешь, сынок? — спросил Кадыр-ата, все еще внимательно разглядывая Анвара.

— Да это же сын дяди Нурмата, — ответил за Анвара Фуркат, смутившись оттого, что дед не узнал его.

— Э, вот как? Гляди-ка, ты ведь нам не чужой, а я тебя и не признал, — рассмеялся Кадыр-ата, — стареем, стареем. А ты совсем взрослым парнем стал. Дома как, все ли здоровы?

... Спасибо, привет передавали, — приврал Анвар.

— Ну, дай бог им здоровья, — сказал Кадыр-ата.

Затем, видимо, вспомнив о чем-то, хохотнул.— Дед твой, покойник, очень забавный был человек.

— Кто это, Кадыр-ата? Я его знал?— встрял в разговор продавец.

— А то как же, мулла Джавланходжа, знал.. Ха-ха...— сказал Кадыр-ата, взяв узелок в руку.— Кто ж его не знал. Это ведь Заманали, ох и всыпал он тогда перцу богатеям! А это его внук!

При имени Заманали продавец заметно побледнел. Только Кадыр-ата уже не смотрел на него, и ничего не заметил.

— Ну-ка, сладкие мои, пошли,— сказал он и вышел из магазина, постукивая о землю посохом. Фуркат тут же взял у него узелок.

Улицы Назарбека были неровные, в некоторых местах скопилась вода, превратившись в лед, а на солнечной стороне снег растаял и превратился в жижу, клюпал под ногами. Наблюдательный Анвар все думал по дороге, отчего это так переменялся в лице продавец при упоминании имени деда. Про себя он был уверен, что за этим непременно что-то кроется, но спросить у Кадыра-ата об этом сейчас постеснялся.

Возле входной двери дома Карима-ата они повстречали курносого паренька с покрасневшимися, будто помидоры, щеками, в новенькой, хотя и забрызганной кое-где грязью, одежде, в меховой шапке. Как оказалось, это был сын дедушкиного соседа, того самого обходительного продавца, который так приветливо встретил их в магазине.

Поздоровавшись с ним, они вслед за Кадыром-ата вошли в дом. При виде внука Сарви-хола не знала, куда себя деть от радости. Расспросила дорогих гостей о здоровье домашних. А Кадыр-ата развязал узелок, вынул из него покупки и встряхнул пустой платок.

— А теперь, ребятки мои, мне нужно сходить по делу в одно место. А вы пока поиграйте вот с Саттарходжой,— так звали соседского сына, — я скоро вернусь. Тогда и поговорим вволю. Хорошо?

Ребята кивнули головами. Удивившись тому, что Кадыр-ата прибавил к имени этого мальчишки «ходжа», Анвар быстро взглянул на него.

Когда Кадыр-ата ушел, ребята вышли на улицу. Довольно долго разговор у них не клеился. Сарви-хола уже три раза звала их пить чай, но они отказа-

лись, говорили, что подождут дедушку. Анвар с Фуркатом ничего не сказали Саттарходже о цели их приезда. Ведь это была только их тайна!

Через некоторое время Саттарходжа взглянул на свои позолоченные наручные часы и сказал немного хвастливо:

— Пойдемте к нам. Сейчас мультик будет. Телевизор у нас цветной...

Был бы у него обычный телевизор, они бы, конечно, не пошли, но Анвар с Фуркатом еще ни разу не смотрели цветной телевизор и, пробормотав согласие, тихонько последовали за Саттарходжей. В дверях они столкнулись лицом к лицу с какой-то сгорбленной худенькой старухой в черном бархатном камзоле, в лакированных махсикаушах, голова ее была повязана цветастым платком поверх белого ситцевого. Ребята поздоровались с ней. Старуха буркнула что-то в ответ. Кто знает, может, ответила на приветствие, не разобрать было.

Когда они вошли во двор, то разинули рты от удивления: двор был громадный. В Ташкенте бы на таком пространстве поместилось не менее пяти участков. По одну сторону двора стоял роскошный дом с айваном, а по другую — просторный коровник, возле него длинный узкий навес. В одном конце навеса был устроен курятник, огражденный проволокой. В нем было полно кур... В коровнике стоял упитанный бычок, чуть поодаль лежали две коровы и жевали...

Зайдя в дом, они удивились еще больше: гостиная была увешена яркими коврами, в одном углу стояла радиола «Ригонда», возле нее — красивый сервант, видать, заграничный. А в другом углу стоял здоровенный телевизор. «А мы говорим, мол, у нас телевизор есть. Вот это действительно телевизор. Гляди-ка, «Электрон» называется», — подумал Анвар. Ему так хотелось подойти к нему и потрогать. Тем временем Саттарходжа нажал какую-то кнопку. Вскоре послышалась музыка, потом появилось изображение. Фуркат с Анваром вскрикнули даже. Они так увлеклись, что не заметили, как кончился мультик и начался хоккей.

...Вдруг дверь в комнату распахнулась, и в ней оказалась голова того продавца. Он тут же набросился с криком на сына:

— Чего это ты собираешь всякий сброд, только грязь в дом носишь! — с этими словами он быстро подошел к телевизору и с треском выключил его. — Ступайте, представление окончено! Эх, озорники...

Анвар с Фуркатом просто обалдели от такого обращения. Да тот ли это человек, который только недавно еще называл их «голубчиками», был таким сладкоречивым?

Когда, ошеломленные, они вышли на улицу, уже стемнело. Саттарходжа, видимо, опасаясь отца, на улицу не вышел. Зашли в дом к деду. В комнатах было темно. Сарви-хола возилась на кухне и свет в комнатах еще не зажигала. Фуркат быстро включил свет в комнате. Дедушка лежал на одеялах, возле хантахты, дремал. От света он открыл глаза и сел на одеялах.

— А, светики мои, долго же вы были у своего нового дружка.

Они оба промолчали. Удивившись, старик вопросительно посмотрел на них, но тут вошла Сарви-хола с ляганом дымящегося шилпылдыка. Комната тут же заполнилась аппетитным, щекочущим ноздри, запахом копченого мяса. Только тут ребята почувствовали, что голодны, как волки.

— Ах, старуха, балуешь ты своих внучков, — с улыбкой сказал Кадыр-ата, взял сверху кусок копченого мяса с поджаристой корочкой и стал резать его на мелкие кусочки. — Гляди-ка, даже шилпылдык им сготовила.

— Что делать, люблю я своих верблюжат, — улыбнулась в ответ Сарви-хола.

Как разительно отличалась атмосфера в этом скромном доме от той, что царила в роскошных хоромах скряги. Здесь все было проникнуто прямотушием и добротой!

Наевшись вкусного шилпылдыка, Фуркат с Анваром вытерли руки.

— Ну и едоки! Бабка ведь специально готовила для вас, ешьте, — покачал головой Кадыр-ата. — Сразу видно, городские. Или Саттарходжа угощал вас, а?

— Нет-нет, просто мы наелись, — ответил Фуркат.

Вытерев руки полотенцем, Анвар подумал, что настало время для беседы и спросил Кадыра-ата:

— Бобо, это... мы что-то не поняли. Что за человек Джавланходжа?

Кадыр-ата посмотрел на ребят. Фуркат с Анваром рассказали, как он называл их в магазине «голубчиками», а когда разговор зашел о дедушке Анвара, побледнел вдруг и, наконец, как обошелся с ними в своем доме. Кадыр-ата привычно рассмеялся.

— По сути дела, это я дал промашку, светики мои,— сказал он, тоже вытирая руки. — Я не должен был говорить, кто такой дед Анвара.

— Почему, бобо?

— Да потому, что отец Джавланходжи Толанходжа был в те времена одним из крупных баев. Жил он, в основном, в городе, но затем взял себе молоденькую жену... Вы, должно быть, видели ее, старуху. А тогда... в те времена было ей всего лет шестнадцать-семнадцать, этой старушенции... Итак, было у него в нашем кишлаке загородное имение и он время от времени наезжал сюда, мироед. После установления новой власти он когтями и зубами дрался за свое богатство, ребятки мои: прятал у себя в доме врагов новой власти, снабжал их деньгами, оружием, этот негодяй. И разоблачил его твой дед, Анвар.

— Как?

— Ха-ха-ха...— рассмеялся в ответ Кадыр-бобо.

Анвар не на шутку рассердился. И что это все смеются, когда речь заходит о его деде. А что он такого смешного сотворил, никто не рассказывает. Скавали бы, и он бы посмеялся вместе с ними. Наконец, не выдержав, он сказал:

— Бобо, почему, когда речь заходит о моем деде, вы смеетесь, а почему, не говорите... Вчера у нас дома и Атий, и Расулмат-ака тоже смеялись, говоря, ну и занятый человек был твой дед. Что же все-таки произошло?

— А кто такой этот Атий?— вдруг спросил Кадыр-ата.

— Атий это Атий. Ну, старик-татарин, который почту разносит в нашей махалле... — попытался объяснить Анвар.

— Э, так вы его зовете Атием?— удивился Кадыр-ата.— Как он поживает? Мы его звали Руфат-толмач. Бравый был парень, фамилия его Хайруллин. Не было у нас человека, который бы не знал Руфата Хайруллина! Переводчиком он был у твоего деда и русского командира. Он говорил, да?

Вспоминая о чем-то, Кадыр-ата на минутку задумался.

мался. Затем, поглядев на сгорающие от нетерпения лица ребят, сказал:

— Хорошо, слушайте, расскажу я вам как было дело...

Стояли жаркие летние дни двадцать первого года. Люди забились в свои дома. В кишлаках было беспокойно. Часто слышались тревожные слухи: то в одном, то в другом кишлаке ночевали басмачи. Но в Назарбеке было спокойно. В то время Советскую власть в кишлаке возглавлял человек по имени Маткарим, одним своим видом он вселял ужас в людей: ходил он в кожаной куртке, в кожаной фуражке, в галифе. На боку у него болтался огромный маузер, а когда он ездил верхом, кое-кто просто дрожал от страха. «Советская власть едет, Советская власть едет», — кричали люди и бросались в стороны и не шевелились, пока он не проедет. Да разве могли проникнуть в кишлак чужие, ежели власть в нем принадлежала такому сильному человеку?! Да никогда! Должно быть, люди относились к нему с почтением, а некоторые старики даже молились на него.

...И вот однажды, как раз во время утреннего завтрака, кто-то постучался в дверь. Кадыр открыл дверь и увидел какого-то нищего. А уж кого-кого, а нищих в те времена было хоть отбавляй. Кадыра немного покоробил его вид.

— Именем Бехауддина... Подайте милостыню... — промолвил нищий. Сказав так, он почему-то стрельнул глазами по сторонам. Кадыр на мгновение пристально взглянул ему в лицо и молча хотел было уйти, как вдруг нищий прошептал: «Постой, Кадыр!»

От изумления Кадыр оглянулся. А нищий быстро юркнул в дверь и мгновенно затворил ее за собой. Затем сказал Кадыру с улыбкой:

— Твой дядя передавал тебе поклон.

— Какой еще дядя?!

— Как какой, да Заманали! — с этими словами он спокойно снял с головы нищенский колпак, затем дернул за бороду и она осталась у него в руке. Кадыр остолбенел от удивления. Ибо перед ним стоял не кто иной, как сам кишлачный учитель Ариф! Учитель Ариф!

— Ой?!

— Тихо... — учитель приложил к губам указательный палец. — Так было надо. Теперь слушай: попы-

тайся как бы между прочим выяснить, в своей ли усадьбе сейчас находится Толанбай. Нам донесли, будто он здесь. Только будь осторожен.

— Но как же я это сделаю?

— Мы и об этом подумали: подойди тихонько и постучи в ворота. Их непременно откроет его слуга. Ну, этот, Эгам-клыкастый. Вообще-то, он трус, но очень уж простоват. Скажешь ему, что вилы понадобились, отец, мол, послал. Ежели даст, стало быть, бая в доме нет. А ежели забеспокоится, не даст, кричать станет, значит, бай дома. Понял?

— Понял.

— Ну, ежели понял, тогда ступай. Я тебя здесь буду ждать.

Усадьба Толанбая стояла на окраине кишлака, недалеко от дома Кадыра. Она была обнесена высокой стеной, обсаженной тополями, за ней простирался фруктовый сад, виноградники, цветники. Через двор с журчанием протекал арык. В глубине двора высились роскошные хоромы. Кадыр несколько раз бывал в этой усадьбе по делам. Взволнованный важным заданием, он шлепал босыми ногами по пыльной улице. Вокруг не было ни души, казалось, все живое попряталось от жары. Казалось, что и деревья изнывали от зноя... И земля была раскалена, обжигала подошвы ног. Чем ближе Кадыр подходил к усадьбе Толанбая, тем сильнее билось его сердце.

Наконец, он был у цели. Он на минутку остановился перед громадными воротами, сработанными из толстенных досок, внимательно оглядел их: ворота были наглухо заперты. Стояла тишина, нарушаемая лишь стрекотанием кузнечиков. Кадыр собрался с духом и постучал в дверь, вделанную в ворота. Долгое время изнутри не раздавалось ни звука. Тогда он постучал снова, погромче. Вскоре послышался мужской кашель, а затем раздался звук шагов. Залаяла собака.

— Прочь, Алапар,— прикрикнул мужчина. Это был голос Эгама-клыкастого.

Звякнул дверной засов: сперва вверху, затем внизу... Дверь со скрипом отворилась, и в ней показалась бритая голова Эгама-клыкастого в старой тюбетейке. Явно было, что он чем-то обеспокоен, на улицу он не вышел, а только высунул голову. Он вопросительно кивнул Кадыру, мол, чего тебе?

— Ассалом-алейкум, Эгам-ака, — почтительно поздоровался Кадыр. — Отец меня послал. Просил на время пару вил.

У Эгама-клыкастого усы поднялись дыбом.

— Э, убирайся прочь... — зло крикнул он и с треском захлопнул дверь. — Гляди-ка, нашел время просить...

А Кадыр нарочно, чтоб он подумал, что ему в самом деле позарез нужны вилы, стукнул еще пару раз в дверь. Но в ответ услышал лишь быстро удаляющиеся шаги.

Тогда он быстро вернулся домой и обо всем рассказал Ариффу-учителю. Учитель Ариф кивнул головой, о чем-то задумался на минутку.

— Ладно, большое тебе спасибо, — сказал он, неторопливо надевая на голову нищенский колпак. Затем приклеил фальшивую бороду. — Только об этом не должен знать ни один человек. Хоршо? Ну, пока! И он ушел.

...А на следующее утро по улице кишлака, поднимая за собой облако пыли, проскакал небольшой отряд красных конников. В эту пору, может, оттого, что было еще не так жарко, или же по какой другой причине, на улице было многолюдно. Удивленные люди жались к обочине, разглядывая отряд. А отряд направился прямо к усадьбе Толанходжи и окружил ее. Затем несколько конников встали на седла, перемахнули через стену и открыли ворота изнутри. И тут же через них проскакал Заманали с четырьмя конниками. Эгам-клыкастый, дрожа от страха, стоял, опершись о столб длинного узкого навеса — бостирмы.

— Где хозяин? — спросил у него Заманали. Он вынул из кобуры маузер.

Эгам-клыкастый онемел от ужаса. После повторного вопроса он посмотрел на внутренний двор и кивнул головой. Пулей Заманали поскакал туда. Немного спустя изнутри послышался женский визг, а затем сдавленный мужской голос:

— Ах, ты, сукин сын!.. Чтоб у тебя руки отсохли... Ой...

Это был голос Толанходжи.

Вскоре Заманали вывел из дома связанного бая. Увидев его, люди стали покатываться от хохота. Руки у Толанходжи были связаны за спиной, был он с непокрытой головой, в длинной до колен, белой бязевой

рубаше... Подштанники сползли ему на ноги, мешали идти, словно кандалы. Шутник-Заманали то ли спешил, когда брал его, то ли не мог найти, чем бы его связать, или же просто оттого, что был он парень с юмором и ему захотелось подшутить над баем, словом, он связал ему руки поясом, на котором держались штаны у бая.

Несколько бойцов обыскали двор, помещения, но ничего не смогли найти. Затем тщательно обыскали коровник, тыкая штыками во все подозрительные места, но снова вернулись ни с чем, пожимая плечами.

Тогда Заманали принялся допрашивать бая:

— Где оружие?

— Какое еще оружие? — прикинулся протачком бай.

— Какое? Которое давеча было куплено на твои деньги у ферганских басмачей. Где оно?

— Знать не знаю ни о каком оружии.

— Знаешь!!!

Заманали неожиданно выстрелил в воздух. Его резкий голос прогремел одновременно с выстрелом:

— Знаешь!!!

Толанходжа насмерть перепугался. Он повалился на колени и стал молить о пощаде:

— Расскажу, все расскажу... только не убивайте...

— Ежели покажешь, где спрятано оружие, это тебе зачтется.

— Покажу...

— Так где оно?

— В пещере, на берегу Бурджара. Вход в нее заложен ветвями. Только не убивайте...

— Ну-ка, пошли! Сам покажешь...

— Да как же я в таком виде-то? Сжальтесь, мусульмане...

— А ты жалел нас, когда покупал оружие против нас? — сказал Заманали, направляя в него маузер. — А ну, пошли, показывай!

Толанходжа тяжело поднялся с колен и еле волоча ноги, двинулся вперед.

Красные конники, с винтовками наперевес, последовали за ним. Впереди них ехал Заманали, с маузером в руке. На улице столпился народ. Некоторые смеялись, другие хмуро говорили:

— Поделом ему!

— Есть, оказывается, справедливость на белом свете.

— Смерть мироеду!

— Надо было его вообще без штанов пустить.

Когда они вели бая по улице, им навстречу по-скакал какой-то всадник. Когда он приблизился, все сразу узнали его: это был Маткарим. Он обратился к Заманали:

— Что это за шутовство!

Толанходжа с надеждой во взгляде уставился на Маткарима, ему казалось, будто вот сейчас тот вырвет его из рук врага.

— Никакого шутовства здесь нет, — ответил ему Заманали. — Мы арестовали этого человека. По нашим данным, Толанходжа купил у ферганских басмачей оружие и патроны и хотел передать их здешним врагам Советской власти.

— Чепуха какая-то! — сказал Маткарим, сразу став серьезным. — Только это ведь надо доказать, товарищ Заманали.

А Толанходжа заискивающе глядел то на Маткарима, то на Заманали, все еще надеясь, что его вот-вот освободят.

— А чего доказывать. Он сам нам сказал, где прячет оружие. Мы и едем за ним, — спокойно сказал Заманали.

У Маткарима оцетинились усы.

— Ой, подлец, ой, вражий элемент, — с этими словами он в мгновение ока вытащил маузер из кобуры и в упор выстрелил в Толанходжу.

Толанходжа рухнул, как подкошенный: на груди, на белой рубашке стало расплзаться темное кровавое пятно. Он с трудом приподнял испачканную в пыли голову и прохрипел:

— Ах, негодяй... По своим стреляешь?!

Тогда Заманали, находившийся рядом, быстро схватил руку Маткарима, в которой он держал маузер.

— Что вы наделали?!

— Пусти, я сам порешу этого подлеца!.. — Изо всех сил он попытался освободить руку, но не смог даже пошевелить ею. Он продолжал кричать. — Никакой пощады врагам революции!.. Пусти, да пусти ты, тебе говорят! Я этого сволоча...

Маткарим тоже был очень силен. Не поддаваясь Заманали, он снова нажал на курок. На этот раз пу-

ля полетела в воздух. Завязалась схватка. Красные конники сначала растерялись немного, а потом кинулись на подмогу Заманали. Они тут же обезоружили Маткарима и стащили его с коня.

— По всему видать, что вы были заодно с Толанходжой, и, чтобы тайна не раскрылась, хотели застрелить его, не так ли, таксыр? — проговорил Заманали, тяжело дыша. — Арестовать его!

— Да ты знаешь, что говоришь! — не желая сдаваться, крикнул Маткарим. — Да я глава Советской власти в кишлаке! Ты еще за это ответишь!

— Надо будет, ответим, — спокойно сказал Заманали. — Свяжите ему покрепче руки за спиной. А Толанходжу развяжите, перевяжите его, поправьте ему штаны и посадите на лошадь. И побыстрее! Нам нужно еще найти спрятанное оружие.

Когда красные конники связали Маткарима и вскочили на коней, от его прежнего вида не осталось и следа, даже усы у него обвисли, он заметно присмирел. Жители кишлака, и без того удивленные тем, что случилось с Толанходжой, увидев, как красные конники арестовали самого Маткарима, которому они так доверяли, опешили.

А Заманали-командир со своим отрядом, с одним пленным и одним раненым, поскакал к окраине кишлака, в сторону Бурджара...

III

— Вот такие дела, — закончил свой рассказ Кадыр-ата. — Это только одно из событий, которому я лично был свидетелем. А в те времена столько всего было, э-ге...

Фуркат с Анваром сидели, не произнеся ни звука, все еще находясь под впечатлением дедушкиного рассказа.

— А этот прохиндей... я о Давланходже говорю, — пояснил Кадыр-ата, — до сих пор стыдится этого позора папаши своего. Сам-то он тогда был в утробе матери. А когда вырос, услышал обо всем от людей... Вот почему он так переменялся в лице как только услышал имя твоего дяди, Анвар... — Кадыр-ата сделал паузу.

Фуркат с Анваром все также сидели молча, боясь отвлечь его от рассказа. Кадыр-ата, видать, вспомнил еще что-то и улыбнулся себе в бороду.— После этого случая еще долго смеялись. Да разве можно его забыть?

Увлечшись интересным рассказом, Анвар с Фуркатом сидели, боясь пошевелиться. Чай, который налила в пиалы Сарви-хола, давно уже остыл. Кадыр-ата отхлебнул из своей пиалы и воскликнул, посмотрев на Сарви-холу:

— Бай-бай-бай... Чай остыл, невкусным стал.

Сарви-хола встала с места, взяла чайник и вышла из комнаты. А Кадыр-ата, отодвинув от себя пиалу с холодным чаем, взглянул на ребят.— Вот, верблюжата мои, и такое было.

Фуркат с Анваром переглянулись. Видимо, они хотели о чем-то спросить, но стеснялись, боясь утомить дедушку. Кадыр-ата тут же заметил это. Вопросительно посмотрел на них.

— А что стало с этим Маткаримом?

— Этот негодяй оказался самым большим врагом. Гляди-ка, в партию пролез, Советской властью заправлял... Это он, сговорившись с ферганскими басмачами, купил оружие, а деньги бай дал. Толанходжа успел рассказать об этом перед смертью командиру красных бойцов. Видите, этот негодяй снаружи якобы красный был, но душа его была черна, он оказался злейшим, матерым врагом.

Тем временем Сарви-хола принесла свежезаваренный чай. Кадыр-ата рассказал еще немало интересного: по его словам, после того, как отряд, где командиром был Заманали, схватил Маткарима, то тут же поскакал к Бурджару. Бойцы около часу искали пещеру, о которой сказал Толанходжа. Сам он был в это время в беспамятстве и ничем помочь не мог. Правда, в поисках бойцам помогали ребята. Отыскав наконец, пещеру и разобрав завал из веток, которым был закрыт вход в нее, они вынесли оттуда около двадцати ружей, немало сабель, пулемет «Максим» и ящики с патронами. Погрузив все это на коней, отвезли в город. Кадыр с несколькими своими приятелями тоже поехали с ними. Там-то он и повстречался с Руфатом Хайруллиным. Он тогда переводил, когда русский командир допрашивал Маткарима. Да, кста

ти, там он встретился и с Арифом-учителем. Он тогда взглянул на Кадыра и подмигнул ему...

— Э, старик-баловник, рассказываешь старые байки, совсем уже головы заморочил моим верблюжатам,— сказала Сарви-хола.— Пейте, а то чай опять остынет.

— Да, кстати, достань-ка из сундука узелок, старушка,— сказал Кадыр-ата, вспомнив о чем-то.

— Какой? Чего ты еще вспомнил вдруг?

— Ну тот, в котором папка с моими пенсионными бумагами...

Отказать ему было просто невозможно. Старик шибко не любил, когда ему перечат. Сарви-хола со вздохом поднялась с места и стала снимать курпачи с крышки сундука. Затем, открыв сундук, покопалась в нем немного и, наконец, достала узелок из красной материи.

— Ну, что ты там копаешься, старуха?— нетерпеливо проговорил Кадыр-ата.

— Да вот он, чего ты так торспишься, как на пожар...

Сарви-хола развязала узелок, достала какую-то старую, пожелтевшую от времени, папку и протянула ее старику. Кадыр-ата, с присущей ему лозкостью, развязал завязки на папке, вынул из старых бумаг с изъеденными краями какую-то фотографию и с минутку пристально разглядывал ее. Затем, посмотрев на ребят, улыбнулся.

— Вот... — сказал он. — После успешного завершения той операции был сделан этот снимок перед зданием городской милиции. Нам всем дали по одной...

Видимо от волнения, вызванного давними воспоминаниями, рука, в которой Кадыр-ата держал фотокарточку, чуть заметно дрожала. Фуркат бережно взял фотокарточку, и они стали внимательно разглядывать ее. Картон, на котором была приклеена фотокарточка, пожелтел, края его были зазубрены, лица некоторых людей на фотографии были покрыты пятнами, черточками, потускнели. Вид фотографии тех лет показался ребятам забавным: в заднем ряду стояли во весь рост несколько бойцов. На фоне кумача. На кумаче латинскими буквами неуклюже было написано: «Да здравствует Узбекская советская республика!» Перед стоящими бойцами с важным видом сидело четыре человека. Все они были одеты в гим-

настерки, галифе, на ногах у них были здоровенные ботинки с обмотками, на головах — буденовки; а перед ними лежали избоченившиеся два молоденьких паренька головами друг к дружке. Один в солдатской одежде, а второй — в тюбетейке, белой бязевой рубахе и длинных бязевых штанах, босой. Под фотокарточкой по-русски было написано: «Июнь, 1921 год. Ташкент».

— Ну, как, узнали кого-нибудь? — засмеялся Кадыр-ата.

Фуркат с Анваром переглянулись, затем пожали плечами. Сарви-хола, улыбаясь, вступила в разговор:

— Да вон тот, что растянулся впереди, в тюбетейке который, ваш дед.

Ребята снова уставились на фотокарточку. Словно не веря, что дед их когда-то был таким же молодым пареньком, как они, пребывали в изумлении.

— Конечно, я не должен был фотографироваться, — сказал Кадыр-ата. — Когда фотограф готовился к съемке, я стоял в стороне, но Заманали позвал меня, чтобы я подошел, мол, я тоже службу им сослужил. Так вот и я попал на фотокарточку. Правда, позже я тоже вступил в этот отряд.

— А кто этот боец, который лежит рядом с вами?

— А, этот? — ткнул указательным пальцем на фотокарточку Кадыр-ата. — Неужели не узнали? Ведь это же и есть Руфат-толмач.

— Атий? — нагнулся к фотокарточке Анвар.

Кадыр-ата стал знакомить их с другими людьми на фотографии:

— Вот этот в середине, с шашкой на боку, твой дед, Анвар, а рядом с ним, симпатичный парень, — учитель Ариф, который приходил в наш кишлак под видом нищего... А по другую сторону от Заманали, с большими усами, стоит его близкий друг, Аманмахсум. Я видел его года три-четыре тому назад. Постарел он, бедняга, согнулся. Живет он в махалле Караташ, оказывается. Когда рассказывал о делах своих с Заманали в молодости, то смеялся, то плакал, бедняга. Очень хороший человек. Да, кстати, писатель Гафур Гулям написал книгу «Озорник» о детстве деду твоего Заманали и Аманамахсума.

Широко раскрытые глаза Анвара сверкнули. Для него с Фуркатом это было неожиданной новостью. В самом деле, кто же не читал этой книжки? Гляди-

ка, ведь герои этой книги, повзрослев, дрались за их счастье, оказывается! А ребята ничего прежде не знали о дальнейшей жизни героев «Озорника». И не только они, но и другие дети! Удивительно.

— А что делали они потом? — спросили Анвар с Фуркатом.

— Эх, ребятки, трудно мне рассказывать-то... — сказал Кадыр-ата, видимо, притомившись, и замолчал. Затем добавил. — Аман-махсум живет в вашем городе, в махалле Караташ. Недалеко это от вас. Распросите его, он-то вам расскажет все как было, подробненько.

— Ну, пожалуйста, расскажите сами, дорогой дедушка.

— А что это вы так заинтересовались? Или дело какое-то у вас?

Анвар с Фуркатом стали наперебой рассказывать и о цели своего приезда, и о задании журнала «Гулхан».

— Ах, вон оно что? — сказал Кадыр-ата, став серьезным. — Тогда, ребятки, вот что я вам скажу: старики могут ошибиться. Лучше всего, расспросите об этом в соответствующих учреждениях. Там есть документы. Они должны были сохраниться. А то, ежели мы сами станем о себе рассказывать, то можем показаться хвастунами.

— Дедушка, — сказал Фуркат, взглянув сначала на деда, потом на Анвара. — Если разрешите, мы возьмем на время эту фотокарточку. Размножим ее и потом вернем. У нас в школе фотолаборатория есть. Тогда...

— Ладно, верблюжатки мои, ладно, — сказал Кадыр-ата. — Только смотрите, не потеряйте. Это память моя о тех славных годах.

— Не потеряем, — воскликнули мальчики.

Фуркат с Анваром были вне себя от радости. Не вря они все-таки приехали. Столько узнали. Быть может, если они продолжат поиск, то разыщут уникальные документы. Может...

IV

Когда проснулись, Кадыра-ата дома уже не было. «Опять по делу ушел», — сказала им Сарви-хола.

Она накормила внуков. Позавтракав, они вышли на улицу. Отчего-то сегодня Саттар-ходжа не появлялся. Вдруг из ворот его дома вышла вчерашняя старуха в черном камзоле, с ведром, подошла к ящику для мусора, опорожнила ведро, быстро взглянула на ребят и, сутулясь, снова вошла во двор. «Должно быть, это и есть младшая жена Толанбая, о которой рассказывал вчера Кадыр-ата», — промелькнуло в голове у Анвара. Он дернул Фурката за рукав и жестом указал на старуху.

— Чего?

— Байская жена, — прошептал Анвар.

— А... бабка Саттарходжи.

— Да, мать Джавлянходжи-амаки.

Они сразу вспомнили, как вчера обошелся с ними этот Джавлян-ходжа-амаки, как обозвал их «озорниками». И Анвар решил показать ему — каким по-настоящему бывает озорник. Он рассказал о своей задумке Фуркату.

— А как ты это сделаешь? — заинтересовался Фуркат.

— После покажу... Мы хорошенько проучим этого Джавлянходжу. Второй раз не посмеет грубить.

— Да брось ты...

А Кадыр-ата все не приходил. Заскучав, они снова зашли в дом и попросили у Сарви-хола разрешение уехать.

— Передай привет дедушке, буви, — сказал Фуркат.

— Хорошо, видать, не скоро он придет, — сказала Сарви-хола, нежно поцеловав обоих в лоб на прощание. — Приезжайте почаще...

— Хорошо, буви, и вы к нам приезжайте, — сказал Фуркат, будто взрослый.

— Приедем, приедем. У деда твоего есть кое-какие дела. Вот закончит... Анварджан, до свидания, Мехриханум, папе, Махфузочке, всем привет передай.

Ребята двинулись в путь. Когда они прошли немного, мимо них, пронзительно сигналя, промчалась машина скорой помощи. Ребята проворно отскочили в сторону.

— Во гонит, а! — сказал Анвар, стряхивая со штанов капли жидкой грязи. Они пошли дальше. Пройдя еще немного, они заметили в начале улицы идущего им навстречу Джавлянходжу. В руке он нес какой-то сверток. «Стащил что-нибудь из магазина», — подумал

Анвар. Вспомнив о своем намерении проучить Джавлянходжу, Анвар стал еще быстрее думать. Джавлянходжа подходил уже ближе. Вдруг Анвар подпрыгивая, подбежал к нему и поздоровался. Потом обернулся и хитро подмигнул Фуркату.

— Джавлян-амаки, простите меня,— занудным голосом проговорил он, прижимая руки к груди.— Пожалуйста, простите...

Джавлянходжа от удивления остановился, как вкопанный. Потом переложил сверток в другую руку.

— За что же это мне прощать тебя?

— Да я это, курицу-пеструшку вашу зарезал...

— Почему ты ее зарезал?— голос Джавлянходжи переменился.

— Да она, кудахча, с крыши слетела... и испугала вашего серого теленка с белой отметиной, привяванного под навесом...

— И ты ее зарезал, окаянный?!

— А зарезал потому,— Анвар тоже повисил голос,— что бычок ваш вдруг дернулся и вырвал с корнем столб от навеса!

— Что произошло потом, пострел?

— А потом навес обвалился и прибил вашего бычка.

— Ой, мой бычок откормленный!— застонал Джавлянходжа.— А где был Саттар, где?!

— А Саттар от страха кинулся бежать и разбил головой окно на веранде.

— Да что ты такое несешь, поганец? Головой стекло вдребезги?

— И окно, и голову...

— Ой, сынок...— он схватился за сердце, прислонился к стене.— Да жив ли он?

— Его на скорой помощи увезли, вы ведь видели, как она газовала.

— Ой, негодники... И чего вы шатаетесь в наши дома?

— Да мы хотели починить цветной телевизор.

— Ой... да ведь телевизор-то совсем новенький... Каких бед вы еще натворили?

— Да мы хотели, чтоб он еще лучше показывал...

— Ох, окаянные! И что еще вы наделали?— проговорил Джавлянходжа в изнеможении.

— Да мы только сняли заднюю крышку, а оттуда псвалил... скажи, Фуркат.— Он оглянулся на Фур-

ката и увидел, что тот застыл, как столб, и испуганно глядит на Джавлянходжу. Анвар тоже взглянул на него и увидел, что Джавлянходжа сидел на земле, опершись спиной о стену, словно дремлющий человек, только глаза его были широко открыты, бессмысленны, он тяжело дышал. И в этот миг перед глазами Анвара встала картина из вчерашнего рассказа Кадыра-ата: в летний зной посреди широкой, покрытой пылью, улицы, недвижно лежит Толанходжа, руки его связаны за спиной, на белой бязевой рубаше, на груди, красное пятно крови, лицо его белое, словно его рубаха...

Анвар даже вздрогнул всем телом.

— Бежим,— крикнул он Фуркату.

— Что ты наделал; а вдруг бы умер,— задыхаясь, проговорил Фуркат, поравнявшись с другом.

Анвар ничего не ответил и перешел на шаг...

V

Конечная остановка автобуса находилась прямо перед кишлачным магазином. Сегодня было воскресенье, и народу на остановке было много. Потому что в субботу люди из города приезжают в кишлак отдохнуть, а в воскресенье едут обратно. А народ все прибывал. Анвару с Фуркатом не пришлось долго ждать автобус, он вскоре пришел. Они ловко пробились к дверям, вскочили в автобус и быстро уселись на заднее сиденье.

Через несколько минут автобус тронулся. Ребята, после всего того, что случилось с Джавлянходжой, сидели притихшие и смотрели в окно. Проехав улицу, застроенную с обеих сторон домами, обсаженную пирамидальными тополями, автобус выехал на гладкое асфальтовое шоссе и прибавил скорость.

Когда автобус выехал из кишлака и проехал туннель под железнодорожным полотном, ребята переглянулись между собой таинственно: шоссе здесь спускалось вниз, и автобус мчался с ветерком... Метров до ста до окружной дороги начинался громадный овраг. Им захотелось получше рассмотреть его. Потому что их пронзила вдруг догадка: «А не в этом ли овраге, на дне которого протекал Бурджар, находилась

пещера, в которой прятал тогда оружие Толанходжа? Автобус стремительно проехал вниз, а потом стал подниматься в горку. Анвар с Фуркатом поднялись с мест. Овраг и впрямь был страшный. Попробуй побыть здесь ночью, здесь и днем-то ходить опасно. Если бы какой-то пожилой человек, сидевший на заднем сидении не сказал «да садитесь вы, ребята», они бы так и стояли, глядя назад, в окно. Им пришлось сесть. Автобус быстро промчался мимо. Анвар, бережно держа в руке завернутую в газету фотографию, молчал, а Фуркат, напротив, не мог скрыть волнения. Проехав окружную дорогу, автобус выехал в город, потом останавливался на нескольких остановках, пассажиры сходили, входили. И вот они уже доехали до дома. Быстро-то как!

— Анвар,— сказал Фуркат, наклоняясь к нему.

— Что?

— Мне в голову пришла одна мысль.

— Какая мысль?

— Еще рано. Давай не пойдем сейчас домой, а проедем прямо до Хадры... Сходим в махаллю Караташ.

— А что нам там делать?

— Разыщем Амана-махсума, поговорим с ним...

— Молоток!— воскликнул Анвар, не скрывая радости.— Вот бы и его послушать!

Анвар очень обрадовался предложению Фурката. В самом деле, ну что сейчас дома-то делать? К тому же он очень боялся встречи с мамой и с сестренкой. Махфузой. Опять скандал затеется: «Где ты шляется? Почему ни слова не сказал, куда уходишь? До каких пор мы будем переживать из-за тебя?» Да что он, маленький мальчик, что ли, чтоб его допрашивать? А, может, мать уже поджидает его на улице... Или эта ябеда Махфузка письмо Фурката всем уже показала... опозорила... его... «Молодец, Фуркат, голова у тебя варит! Зря, что ли, ты мой дружок закадычный? Вечером придем, когда папа вернется. Папа ничего не скажет. И лупить не позволит»...

И они, не сходя на своей остановке, доехали прямо до Хадры.

А на Хадре было такое движение: автобусы, троллейбусы, трамваи, машины разные. Они перебежали на другую сторону улицы и свернули на улицу Фурката. Пройдя с километр, они вошли в махаллю «Караташ». Махалля эта сама напоминала маленький

городок: в ней еще остались покосившиеся глиняные домики, кривые узкие улочки со множеством тупиков; бродя по ним, они даже измучались, спрашивая у прохожих: «Не знаете ли, где живет Аман-махсум?» И люди странные какие-то. «А фамилию вы знаете? А на какой улице он живет?» — спрашивали. Да если бы они знали его фамилию, да улицу, на которой он живет, стали бы они у них спрашивать? Сами бы нашли.

Ребята два раза обошли Караташ до Бешагача, просто из сил выбились. Когда они уже собрались ехать домой, навстречу им попался какой-то старик, который шел, держась одной рукой за поясицу, а другой — опираясь на палку.

Фуркат, словно рыба на наживку, бросился к нему:

— Ассалом-алейкум, бобо.

— Ваалейкум... — ответил старик нараспев.

— Вы, случайно, не знаете тут старика по имени Аман-махсум?

— Какого Амана? Где он проживает? — сказал старик, поднося ладонь ребром ко лбу, чтобы лучше видеть.

— Вот этого-то мы и сами не знаем...

— Он в гражданской войне участвовал, — вмешался в разговор Анвар.

— Да разве мало кто участвовал, сынок, — сказал старик, поглаживая бороду. — Нет, не знаю, ребята мои, поспрашивайте-ка, может, другие знают.

С этими словами старик, постукивая посохом, двинулся в путь, развеяв последнюю надежду ребят.

— Да, кстати... — сказал старик, останавливаясь в нескольких шагах от них. Фуркат с Анваром быстро оглянулись. — Ежели пройдете немного по этой улице, придете к чайхане. Попробуйте-ка там поспрашивать, может, кто знает...

Фуркат с Анваром без труда отыскивали чайхану. Хорошо вышло. Они были голодны и очень устали. В чайхане оказалось много народу: старики и пожилые люди. Ребята сели в сторонке. Фуркат сходил и принес чайник чаю, сахару и лепешку. Хорошо, что у них в кармане была кое-какая мелочь. Посетители чайханы с удивлением поглядывали на ребят. В такое время махаллинские ребята в чайхану не заходят. Решив, видимо, что они не здешние, ничего им не говорили.

Чайханщик оказался человеком весьма учтивым. Пару раз подошел к ребятам, любезно спросил, не нужно ли им еще чаю. Попив чаю, Анвар тихонько поднялся с места и подошел к чайханщику.

— Дядя, вы, это, случаем, не знаете старика по имени Аман-махсум?— тихо спросил он,— который в гражданской войне участвовал.

Взглянув на Анвара, чайханщик на минутку задумался. У Анвара возникла мысль. Он подбежал снова к Фуркату, взял завернутую в газету фотографию и вернулся к чайханщику.

— Вот! Этого!— сказал он, достав фотокарточку и протягивая ее чайханщику.

Чайханщик, нагнувшись, пристально посмотрел на фотокарточку: на ней был изображен не старик вовсе, а усатый молодой человек лет двадцати пяти-тридцати, в солдатской гимнастерке, в буденовке. Он удивился.

— Да ведь это же не старик?!

— Эта фотокарточка была сделана в двадцать первом году. А сейчас он старик...— сказал Фуркат, подходя и вступая в разговор.— Про него еще Гафур Гулям книгу написал. Он был очень интересный человек...

Чайханщик вдруг расхохотался.

— Ах, вот вы о ком,— сказал он наконец, с трудом подавляя смех. Затем лицо его стало серьезным.— Да разве есть такой человек, который бы не знал его? Два года назад на девяностом году он скончался. Мир праху его...

Фуркат с Анваром как-то виновато переглянулись и тихонько вышли из чайханы. Надежды их, связанные с Аманом-махсумом, развеялись в прах.

Хорошо, что чаю выпили, а то бы от усталости да невезения могли бы в обморок упасть. Еле волоча ноги, они доплелись до Хадры и сели в автобус. Теперь все их надежды были связаны с Атием.

— Сегодня уже поздно, — сказал Анвар, сходя с автобуса.— А завтра поговорим. Атий много знает. Мы ему фотокарточку покажем.

— Увидит он ее и нахлынут на него воспоминания. Тогда-то он соловьем запоет,— сказал Фуркат, протягивая руку для прощания.— До завтра...

Фуркат вошел домой. А Анвар все стоял на улице, словно ноги его не слушались. Мать опять на-

бросится! Эх, был бы хоть отец дома. При нем уж мама не осмелится. Ему повезло: ворота были не заперты. Он вошел во двор. В доме горел свет. Мама дома не оказалось, а папа сидел в кресле и читал газету.

— Здравствуйте, папа,— радостно проговорил Анвар.— Как, не устали?

— Привет, привет...— сказал папа, взглянув на него.— Мы-то не устали...

— Вам Кадыр-бобо привет передавал...

— Дай бог ему здоровья.

В этот момент в комнату вошли мама с Махфузой. И настроение у них было вовсе не плохое. Анвар немного успокоился. Стал раздеваться.

— Пойди умойся хорошенько,— сказала мама.— Странно, в голосе ее не было ни резкости, ни гнева.— Сейчас ужинать будем.

Анвару стало легко на душе. Вдруг с улицы вбежал Фуркат.

— Анвар! Анвар! Вот письмо пришло из «Гулхана»...

И Анвар увидел в руке Фурката то самое письмо в голубом конверте, которое он тайком вытащил из его почтового ящика. У него при виде этого сердца екнуло. А Фуркат был вне себя от радости.

Тут Анвар заметил Махфузу, которая стояла в сторонке и улыбалась. И он все понял: его роденькая сестренка Махфуза, чтобы не опозорить брата, тихонько взяла письмо и снова опустила его в почтовый ящик Фурката... «Браво, ай да я! Если бы я была глупая, я бы тебя ославила на весь свет! А ты меня еще ябедой называл! Эх ты!..»

Таинственно улыбаясь, Махфуза подмигнула брату. Анвар же, не зная, что сказать, сгорал от любви к своей сестренке. Смотрел то на нее, то на Фурката и улыбался, и в этой улыбке были и искренняя благодарность сестренке, и зависть к Фуркату за то, что он получил письмо из «Гулхана», и удивление: почему же он не получил такого письма?..